

«В Цзяннани нет ничего примечательного, подарю тебе лишь веточку весны...»

Нин Ли тихонько повторил эти строки про себя. В них крылось какое-то щемящее, тонкое и глубоко трогательное чувство. Сам он не слишком разбирался в изящной словесности, но скрытую в этих словах нежность уловил мгновенно.

— Как красиво написано, — искренне восхитился он. — Это... твои стихи?

Пэй Чжао лишь поддался мимолётному порыву и не ожидал, что обладатель столь чистого, звонкого голоса окажется совсем неискущённым в поэзии. На мгновение он замешкался, удивлённый, но тут же почувствовал, как в этой наивности сквозит неподдельный восторг. Искреннее восхищение юноши в зимней полутьме сливового сада было чистым и ясным, точно свежавыпавший снег.

— Нет, — мягко отозвался Пэй Чжао. — Это строки Лу Кая, поэта эпохи Северной Вэй. Он отправил их своему близкому другу.

Понимая, что юноша вряд ли знаком с этой историей, Пэй Чжао неторопливо продолжил:

— «Сорвал цветок, встретив гонца, и шлю его тому, кто на заставе Лунтоу». Когда людей разделяют тысячи ли, а тоска по другу терзает сердце, дарить нечего, кроме этой веточки сливы. Она хранит в себе едва уловимый аромат — залог грядущей весны и обещание скорой встречи.

Нин Ли то ли понял его слова, то ли нет. Он лишь крепче прижал к себе охапку сливовых ветвей и задумчиво протянул:

— Должно быть, его друг был очень счастлив получить такой подарок.

— Думаю, ваш почтенный отец обрадуется не меньше, когда увидит эти цветы, — тихо заметил Пэй Чжао.

Накануне вечером Нин Ли без сил повалился на постель и проспал до самого полудня. По натуре он был парнем живым, любил порезвиться и привык к свободе. А раз в усадьбе он теперь остался за единственного хозяина, то и подавно творил всё, что душе угодно.

Яо Гуанье, хоть и заправлял всеми делами в поместье, потакал молодому господину во всём. Пока тот спал, управляющий и думать не смел его будить. Он лишь велел слугам держать обед наготове, чтобы юноша мог сразу подкрепиться, как проснётся.

Наконец проснувшись, Нин Ли с аппетитом съел пиалу каши с ямсом и годжи, закусил нежным золотистым молочным суфле и пирожными «Румянец наложницы». Набив живот лакомствами, он в самом прекрасном расположении духа выскользнул на улицу.

Он всего лишь собирался осмотреть усадьбу, где ему предстояло жить, а в итоге не только любовался дивными цветами, но и встретил крайне любопытного незнакомца.

За стеной понемногу затихли шаги. Оставшись один, Нин Ли прижал к груди сливовые ветви и замер, любуясь раскидистым деревом во дворе. Тяжёлые, густые соцветия усыпали извилистые ветви, точно хлопья снега. И в этой белизне трудно было разобрать: то ли цветы походили на снег, то ли снег осыпался нежными лепестками.

— Господин Яо! Я сегодня выучил потрясающие стихи. Их поэт Лу Кай написал своему другу Фань Е.

Нин Ли вернулся в дом летящей походкой и прямо с порога, словно хвастаясь сокровищем, объявил об этом Яо Гуанье.

Управляющий опешил. Наследник ведь отродясь не питал любви к изящной словесности и терпеть не мог заучивать рифмы — с чего бы вдруг такой порыв?

Старик присмотрелся. Юноша уходил с пустыми руками, а вернулся с целой охапкой. Вид цветущих веток в его объятиях изумил управляющего ещё сильнее.

— Насколько я помню, в нашем саду нет красной сливы.

— Верно, — закивал Нин Ли. — Это благородный господин из соседней усадьбы. Он увидел, что я собираю цветы, и расщедрился на подарок.

— Какая пышная ветвь, — подивился Яо Гуанье. — Странно... Соседний двор ведь всегда пустовал. Не думал, что туда кто-то заселился.

Нин Ли понятия не имел, как в этих краях всё было устроено раньше. Он лишь пожал плечами:

— Может, замёрзли в такие холода и приехали погреться в источниках? В нашей усадьбе ведь тоже есть купальни с тёплой водой, если память мне не изменяет.

Он обронил это вскользь, даже не подозревая, что попал в самую точку — именно ради целебных источников Пэй Чжао со своими спутниками и прибыл в Таншань.

— Надо бы отыскать вазу и поставить их в комнате. Будет глаз радовать.

Красная слива досталась Нин Ли от соседа, а белую молодой наследник наломал сам. Яо Гуанъе принял ветви из его рук и невольно рассмеялся, качая головой. Красная ветка была изящной, с редкими, едва раскрывшимися бутонами, а белые — наломаны небрежно, густой, беспорядочной копной.

Нин Ли недоумённо захлопал глазами, не понимая, над чем старик посмеивается:

— Господин Яо?

— Ах, молодой князь, — вздохнул тот. — Сливовые ветви срезают до того, как они распустятся. Только тогда они долго стоят в тепле и дарят аромат... Кто же ломает их вот так?

Охалка Нин Ли была огромной, но нераспустившихся бутонов на ветках почти не осталось — лепестки раскрылись полностью, буйствуя всюду.

В тёплой комнате такие цветы не простоят и ночи. Осыплются к утру, оставив лишь мимолётный запах.

До Нин Ли наконец дошёл смысл упрёка. Вспыхнув от смущения, он упрямо вскинул подбородок и принялся оправдываться:

— А мне нравятся именно распустившиеся! Завянут — завтра новые принесу!

— Как скажете, молодой князь, как скажете, — с улыбкой закивал Яо Гуанъе. — Срезайте сколько душе угодно. Благо наш сливовый сад велик, на ваш век хватит.

И этот туда же — зубы заговаривать!

Слуги по углам тихонько прыснули в кулак. В комнате сразу стало шумно и весело.

Юный слуга Сяо Цзи разыскал огромную напольную вазу из селадона, покрытую сетью трещинок, напоминающих колотый лёд, но даже в неё охалка не поместилась. Пришлось разделить белые ветви на две части и расставить по углам комнаты. Тотчас по комнате разлился густой, дурманящий аромат, превращая покои в подобие цветущей рощи.

— А я говорю — аромат чудесный! Что в этом плохого? — не унимался Нин Ли.

Но как бы он ни упрямился, опустив взгляд, он невольно залюбовался изящной ветвью красной сливы. Она действительно выглядела благородно: бутоны только-только набрали силу и застыли в шаге от цветения.

Там же, среди веток, устроился крошечный, размером с ладонь, малый сокол с белыми лапами. Чёрно-белая птица забавно склонила голову набок и уставилась на юношу круглыми бусинками глаз.

— Батюшки, а это что за чудо? — удивился Яо Гуанье.

— По дороге подобрал, — пояснил Нин Ли. — Похоже, крыло повредил, вот и свалился прямо ко мне в лодку. Раз уж судьба нас свела, негоже бросать беднягу.

Он поглядел на птенца, который продолжал забавно косить глазами.

"Неужели и этот малый, — с лёгкой досадой подумал юноша, — находит соседскую ветку куда краше моих?"

— Вообще-то я хотел отправить их отцу, — тихо пробормотал Нин Ли.

Яо Гуанье мысленно усмехнулся.

"На северо-западе, в Сачжоу, дикой сливы предостаточно, и князя Нина сложно удивить подобным подношением. Но даже самый невзрачный цветок, сорванный руками сына, для отца станет бесценным сокровищем"

С этой мыслью старый управляющий ласково улыбнулся:

— Ваша сыновняя почтительность достойна восхищения, молодой князь. Его Высочество непременно обрадуется вашему подарку.

— Хм... — озадаченно протянул Нин Ли. — И тот господин сказал в точности то же самое.

Яо Гуанье уловил скрытый смысл в его словах:

— Тот господин? Неужели... ваш сосед?

Нин Ли закивал, а затем, словно вспомнив о чём-то важном, оживился:

— Господин Яо, наш абрикосовый чай ведь отлично помогает при кашле? Мне показалось, что тот господин сильно простужен. Почему бы не отправить ему немного в благодарность?

Старый управляющий так и просиял от гордости:

— Подумать только, молодой князь совсем вырос. Научился правилам приличия, знает, как на любезность отвечать подарком.

Нин Ли растерялся.

От этих слов уши у него запылали так, что, казалось, весь жар усадьбы прилил к лицу. Не зная, куда деваться от смущения, он сердито буркнул:

— С чего вы взяли, будто я ещё ребёнок? Я давно взрослый!

Старик лишь беззлобно посмеивался, глядя на него.

Понимая, что спор проигран, Нин Ли вспыхнул ещё сильнее и замахал руками:

— Да ну вас! Хватит расспросов... Живо велите слугам собрать лучшего абрикосового чая и отнести соседу!

На дворе стояла суровая зима. Извилистые галереи и устремлённые ввысь павильоны усадьбы тонули в пушистых сугробах.

Евнух Чжан Хэлинь покорно ждал под навесом крыши. Раз уж Пэй Чжао велел не следовать за ним, слуга не смел нарушить приказ и держался поодаль. Спустя какое-то время на заснеженной тропинке показалась высокая фигура в чёрном меховом плаще. Чжан Хэлинь поспешил навстречу господину и, ещё не дойдя до него, уловил тонкий, едва различимый аромат цветущей сливы.

В глубине сада действительно рос старый сливовый лесок.

Лицо Пэй Чжао оставалось бесстрастным, однако проницательный слуга уловил: на душе у Его Величества стало капельку легче. Видно, решение уехать из душной столицы в загородную резиденцию Таншань оказалось верным — останься они во дворце, государь совсем бы извёлся от тоски.

Склонив голову, Чжан Хэлинь негромко доложил:

— Ваше Величество, командир Сюэ вернулся.

— Пусть войдёт, — кивнул император.

Сюэ Динсян и Сяо Цзюлин были самыми преданными и надёжными людьми в окружении императора. Первый командовал Стражей Воинственного Величия, стоявшей на защите дворцовых покоев и державшей под надзором все девять провинций империи. Вторым возглавлял Стражу Прислуживания Небесам — личную тайную службу государя. Во время недавнего покушения на жизнь Пэй Чжао Сюэ Динсян находился по делам за пределами столицы. Раз он прибыл столь спешно, значит, расследование сдвинулось с мёртвой точки.

Сюэ Динсяну едва исполнилось тридцать. Его суровое, волевое лицо дышало решимостью, а во взгляде читалась глубоко затаённая сила. Завидев государя, он порывался опуститься на колени, но Пэй Чжао небрежным жестом остановил его.

— Ну? Рассказывай.

— Место осмотрено, Ваше Величество. Сомнений нет: там сошлись мастера ступени Отсутствия Заблуждений. Прошу вас, взгляните...

Сюэ Динсян бережно поставил на стол хрустальный кубок, наполненный водой. Жидкость в нём ходила ходуном. Даже когда сосуд замер на ровной поверхности стола, вода внутри продолжала бешено плескаться, с силой ударяясь о прозрачные стенки, точно бурлящий речной поток.

Картина выглядела жутковато и противоестественно. Одно дело, если бы кубок дрожал в человеческих руках, но на идеально ровном столе вода должна была мгновенно успокоиться. Здесь же бушевала невидимая сила.

— Я набрал её на самой середине реки у переправы Чушуй, — пояснил командир Сюэ. — Прошла целая ночь, однако остаточная энергия боя всё ещё не угасла. После обычной схватки река успокаивается за считанные мгновения. Лишь воины ранга Проникновения в Мелочи или Отсутствия Заблуждений способны оставить столь глубокий след. Мне повезло отыскать то самое место, где закипела битва... Желаете прикоснуться, Ваше Величество?

Сюэ Динсян говорил ровно, но Пэй Чжао прекрасно понимал, сколько труда стоило добыть эту воду. Он сделал знак поднести сосуд ближе. Едва император поднёс пальцы к хрустальным краям, даже не коснувшись глади, как ощутил мощные, невидимые волны силы, бьющие изнутри.

Пэй Чжао свёл пальцы вместе, намереваясь опустить их в воду.

— Не стоит, государь! — поспешно предостерёг его Сюэ Динсян. — Яростный дух меча ещё жив в этой воде. Ваше Величество, не подвергайте себя опасности...

— Пустяки, — сухо оборвал его Пэй Чжао.

Оспаривать решения повелителя никто бы не решился. Сюэ Динсян замолчал. Император опустил кончики пальцев в воду. Его мгновенно пронзило ледящим холодом.

Пэй Чжао замер от неожиданности.

Вода в кубке была студёной. Повелитель ожидал столкнуться со скверной — тёмной, коварной и удушливой силой убийц. Однако вместо этого его встретила невероятная, сокрушительная воля меча. Она заполняла всё пространство вокруг, безжалостно рассекая и выжигая малейшие следы ядовитой тьмы. Эта сила была ослепительной, чистой и величественной, словно полуденное солнце.

Спустя столько часов угасшая, казалось бы, энергия звенела первозданной яростью. Сложно было представить, какая неодолимая мощь обрушилась на врагов в момент удара.

Такое мастерство... Такой безупречный клинок...

Перед мысленным взором Пэй Чжао невольно предстал тот мимолётный, пронзительный взгляд, который он перехватил сквозь пелену ледяного тумана у переправы. Взгляд, исчезнувший в ту же секунду.

—... Великий мастер, — сорвалось с его губ.

— Так и есть, — подтвердил Сюэ Динсян. — О личности нападавшего пока судить трудно, но тот, кто обнажил меч на переправе, бесспорно, является великим мастером ступени Отсутствия Заблуждений.

В Поднебесной боевые искусства процветали, владение оружием ценилось превыше всего. От знатных князей до простых крестьян — каждый, кто обладал крупницей таланта, стремился встать на путь совершенствования. Но если ступивших на эту стезю исчисляли тысячами, то вершин достигали единицы. О великих мастерах, познавших ступень Отсутствия Заблуждений, говорили благоговейно, ведь во всём мире их можно было пересчитать по пальцам одной руки.

Трое из них жили в границах Великой Юн. Двое правили в городе Байди, что в провинции Куйчжоу: великий Владыка города Ли Гуаньлань и его соратник Дунцзюнь. Третий, Ли Гуаньхай, обитал на уединённом острове Пэнху у берегов Дэнчжоу.

Оставшиеся двое пребывали за пределами империи: один, Поло Цзюэхуэй, служил Государственным наставником Западного Фаня, другой, Чжунцянь, носил сан настоятеля в буддийской стране Мяосян.

Каждый из них был живой легендой, полубогом, достигшим предела человеческих возможностей. Они редко покидали свои владения, а уж их появление в окрестностях имперской столицы, Цзянье, и вовсе казалось немыслимым событием.

Мастера такого ранга — фигуры слишком грозные. Чтобы не сеять панику и избежать недоразумений, о любом своём перемещении они были обязаны извещать императорский двор заранее.

Однако вчера у переправы Чушуй сошлись сразу двое.

Как бы ни была сильна стража императора, предвидеть подобное безумие никто не мог. Пэй Чжао и сам не ожидал, что убийцы осмелятся напасть на него столь дерзко. И если бы не вмешательство того таинственного меча... исход сражения мог оказаться плачевным.

— Сталкивался ли ты прежде с подобным стилем? — негромко спросил Пэй Чжао.

— Никогда, — решительно покачал головой Сюэ Динсян. — Мне доводилось видеть отдалённо похожие приёмы, но ни один из тех воинов не стоял даже на пороге великого мастерства.

Командир Сюэ отвечал с предельной точностью, хотя в глубине души изрядно удивлялся. Он полагал, что императора в первую очередь интересуют личности заговорщиков, но государь, казалось, был целиком поглощён разгадкой тайны великолепного клинка.

Впрочем, если попытаться сузить круг подозреваемых...

По иронии судьбы, все трое великих мастеров Великой Юн безупречно владели именно мечом.

— По нашим сведениям, вчера через переправу Чушуй проходили три крупные группы, — продолжил Сюэ Динсян. — Две из них — купеческие караваны из Тэле и Западного Фаня. Третья — люди из свиты князя Нина.

Пэй Чжао нахмурился:

— Неужели князь Нин прибыл в столицу?

— Никак нет. Князь Нин по-прежнему держит оборону на границах Шачжоу. В столицу по вашему указу держит путь его наследник.

При этих словах Пэй Чжао припомнил: сыну князя Нина действительно исполнилось семнадцать. Согласно древним уложениям империи, молодой наследник обязан был явиться ко двору для принесения присяги. Вот только указ об этом был подписан... казалось, целую вечность назад.

— Сколько времени он уже в пути? — поинтересовался император.

— Наследник покинул родные земли ещё в сезон Белых рос, — ответил Сюэ Динсян. Он вспомнил донесения тайных соглядатаев и невольно покачал головой, дивясь безрассудству юноши. — То есть добирается уже больше трёх месяцев. Говорят, всю дорогу молодой господин изволил развлекаться, осматривал достопримечательности и только вчера соизволил прибыть на постоянный двор близ столицы.

Пэй Чжао брезгливо поморщился.

Каждый знатный наследник, призываемый пред светлые очи императора, летел в столицу сломя голову, загоня лучших скакунов. И только этот бездельник умудрился растянуть путешествие на сто дней. Шачжоу лежала далеко на северо-западе, но даже оттуда путь до Цзянь не должен был занять больше месяца. Очевидно, избалованный отпрыск попросту плевать хотел на волю государя, предпочитая по дороге предаваться праздности и утехам.

Подобных никчёмных франтов Пэй Чжао повидал немало. Глупые, пустые люди, недостойные даже мимолётного взгляда повелителя.

— Какая жалость, — обронил император.

Сюэ Динсян прекрасно понял, о чём сожалеет государь, и безмолвно вздохнул. Достопочтенный князь Нин покрыл себя неувядаемой славой на полях сражений, а воспитал, судя по всему, обыкновенного лоботряса.

За занавесью павильона скользнула тень. Появился Чжан Хэлинь. Вид у него был озадаченный, словно он сомневался, прилично ли прерывать беседу по такому пустяковому поводу.

Пэй Чжао взглянул на него:

— Что случилось?

Старый евнух никогда бы не посмел войти без крайней нужды.

— Ваше Величество, — робко проговорил слуга. — Из соседнего поместья прислали подарок. Желают отблагодарить вас... за веточку сливы.

Император удивлённо приподнял бровь.

На улице безмолвно повалил густой, пушистый снег, укрывая белым саваном ступени веранды и стирая свежие следы на дорожках.

Чжан Хэлинь поначалу не хотел обращать внимания на незваного гостя. Усадьба охранялась безупречно: внешне тихая, изнутри она была опутана невидимой сетью постов, сквозь которую

не пролетела бы и муха.

Однако круглолицый слуга, постучавшийся в ворота, особо подчеркнул, что подношение прислано в благодарность за подаренную ветвь сливы.

Евнух уже собирался вежливо выставить мальчишку вон, как вдруг вспомнил, что Его Величество совсем недавно вернулся именно из той части сада, где росла слива.

Всё, что касалось государя, требовало величайшего внимания. Тем более из слов посланника выходило, будто Пэй Чжао самолично преподнёс цветок какому-то юному господину. Чжан Хэлинь служил императору долгие годы и видел тысячи богатых даров, но чтобы его суровый господин дарил кому-то столь романтические и хрупкие вещи... Такое случилось впервые. Разумеется, старый евнух не посмел утаить это и поспешил с докладом.

Молоденький слуга чинно поклонился и протянул обтянутую шёлком шкатулку:

— Мой молодой господин слышал, что вы изволите кашлять, и просил передать этот абрикосовый чай. Он прекрасно смягчает горло, утоляет жажду и помогает вернуть силы.

— Передай своему господину мою признательность за его доброту, — ровно произнёс Пэй Чжао.

Видя, что император благосклонно кивнул, Чжан Хэлинь не поверил собственным ушам. Любые подношения от незнакомцев, особенно съестные, обычно уносили прочь и уничтожали без следа, дабы исключить малейшую угрозу отравления. Но сейчас Его Величество нарушил незыблемое правило.

Поспешив перенять драгоценную шкатулку, евнух угодливо улыбнулся:

— Надо же, какой заботливый юноша вам повстречался.

— Пожалуй, — согласился император. — Славный, послушный ребёнок.

Услышав этот спокойный, отрешённый тон, Чжан Хэлинь мысленно вздохнул от щемящей тоски. Случайный незнакомец проявил теплоту и позаботился о здоровье государя, в то время как родной отец...

Человек, подаривший Его Величеству жизнь, не задумываясь, подослал к нему безжалостных убийц. От одной этой мысли кровь стыла в жилах.

Немногим позже Чжан Хэлинь подал свежеприготовленный напиток. Пэй Чжао опустил взгляд на пиалу. В ней плескалось нечто совершенно непохожее на привычный императорский чай.

Настой имел глубокий янтарный оттенок, а над чашей вился густой пар, источавший дразнящие кисло-сладкие ноты спелых абрикосов.

Император молча приподнял пиалу и сделал первый глоток.

Поняв, что государь не выкажет недовольства, евнух осторожно спросил:

— Это тот самый абрикосовый отвар от молодого господина. Как вам его вкус, Ваше Величество?

Пэй Чжао отпил ещё немного и негромко обронил:

— Слишком сладко.

<http://bllate.org/book/20087/2001844>